

Архивные материалы: Археология филологического знания*

Джузеппина Ларокка

Неизданные письма Льва Васильевича Пумпянского к Борису Михайловичу Эйхенбауму

Giuseppina Larocca

Unpublished letters by Lev Vasil'evich Pumpyanskiy to Boris Mikhailovich Eikhenbaum

Джузеппина Ларокка (Университет г. Мачерата, Италия, доцент русской литературы и русского языка; PhD) giuseppina.larocca@unimc.it.

Ключевые слова: интеллектуальная история, русская литература XIX—XX веков, формальная школа

УДК: 82.09

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_256

Шесть неизданных писем Л.В. Пумпянского к Б.М. Эйхенбауму, написанных между июнем 1937 года и февралем 1940 года, свидетельствуют об их исключительной близости в 1930-е годы и тем самым позволяют понять присущий им обоим общий круг научных интересов. Так, Пумпянский, не оставляя своего внимания к теории прозы, воспроизводит теперь те же самые категории, которые были представлены в его символистских работах о Достоевском 1919 и 1922 годов, такие, например, как *релятивизм*, *автор*, *герой*, *суд*, *пролитие крови* (с отсылкой к преступлению в романах Достоевского), с неизбежными уточнениями, но совсем в другом стиле, менее метафоричном и пафосном. В те же годы Б.М. Эйхенбаум, исходивший из совсем других теоретических пред-

Giuseppina Larocca (PhD; Associate Professor in Slavic Studies, Department of Humanities, University of Macerata, Italy) giuseppina.larocca@unimc.it.

Key words: intellectual history, 19th—20th century Russian literature, Russian formalism

UDC: 82.09

DOI: 10.53953/08696365_2024_189_5_256

This paper presents and analyses six previously unpublished letters from L.V. Pumpyanskiy to B.M. Eikhenbaum, written between June 1937 and February 1940. These letters provide invaluable insight into the close relationship between the two scholars during the 1930s, highlighting their shared intellectual pursuits and the convergence of their theoretical interests. Pumpyanskiy, while maintaining his focus on the theory of prose, revisits and refines the categories he explored in his earlier symbolist works on Dostoevskii from 1919 and 1922. These categories include *relativism*, *author*, *hero*, *judgment*, and *shedding of blood* (in the context of crime in Dostoevskii's novels). Pumpyanskiy's approach in these letters is notably different from his previous one of 1910s, that is, less metaphorical and imbued with less pathos, reflecting a matured perspective.

* Этой статьёй наш журнал открывает новую периодическую рубрику «Археология филологического знания».

посылок, стал продвигаться в типологически сходном направлении, интересуясь в первую очередь такими жанровыми элементами, которые касаются эволюции и, следовательно, имеют чисто исторический характер.

During the same period, Eikhenbaum, despite starting from different theoretical premises, began to explore themes which paralleled Pumpyanskiy's interests. Eikhenbaum's focus shifted towards genre elements related to literary evolution, adopting a primarily historical approach. This typological convergence between the two scholars, despite their differing starting points, illustrates the dynamic and evolving nature of their intellectual engagement. By examining these letters, we gain a deeper understanding of the intellectual climate of the 1930s, particularly the ways in which Pumpyanskiy and Eikhenbaum influenced each other. Their correspondence not only documents their personal closeness but also illustrates the broader scholarly dialogues of their time.

В истории советской интеллигенции и, соответственно, в истории советского литературоведения раз за разом открываются интереснейшие материалы, касающиеся в первую очередь тех ученых, которые не принадлежали к официальной науке и неоднократно подвергались критическим нападкам со стороны ее представителей.

Публикуемые шесть писем Л.В. Пумпянского к Б.М. Эйхенбауму, написанные между июнем 1937 года и февралем 1940 года, показывают их бесспорную близость в 1930-е годы и позволяют понять круг научных интересов, связывавших двоих ученых. Эти документы принадлежат периоду, когда Пумпянский стал профессором кафедры истории русской литературы на филологическом факультете Ленинградского университета, где его студентами, а потом и учениками были, в частности, Л.М. Лотман и Г.П. Макогоненко. В эти годы он не только неоднократно посещает научные заседания в Пушкинском Доме, но и делает там ряд вызывавших очень оживленные дискуссии выступлений, среди которых следует отметить доклады «Кантемир и итальянская культура» (1934)¹ и «Творчество Третьяковского», прочитанный 11 ноября 1938 года². Среди присутствовавших на этих докладах был и Эйхенбаум. О жизни и творчестве Эйхенбаума в 1930-е гг. подробно написал Евгений Тоддес, выделяя литературоведческий путь ученого и определяя его понятиями «интериоризация» и «адаптация» [Тоддес 2019: 220, 221, 224, 234]. Это десятилетие как для Эйхенбаума, так и для Пумпянского стало особенным временем не только их личной биографии, но и научного творчества.

Именно в это время Пумпянский вновь обращается, хотя и с дополнительными уточнениями, к положениям своих концепций философско-филологического периода конца 1910-х — начала 1920-х годов и, фактически употребляя ту же самую концептуальную систему, разработанную в предыдущий период, обновляет ее в соответствии со стилистическими парадигмами нового общества. Те категории, которые обсуждались автором в работах о Достоевском 1919 и 1922 годов, написанных в символистском духе, как например, *релятивизм*, *автор*, *герой*, *суд*, *пролитие крови* (с отсылкой к преступлению в романах Дос-

1 РО ИРЛИ РАН (Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук). Ф. 150. Оп. 1 (1934). № 6.

2 Там же. Оп. 1 (1938). № 32.

тоевского), теперь повторяются и уточняются, но только в другом стиле, менее метафоричном и пафосном. Релятивизм, определяющий творчество Пушкина и Гоголя³, уступает место социальному реализму⁴; автор и герой более детально проанализированы в статьях о Тургеневе (1929—1930), где речь идет о «герое в поиске себя» или о «непродуктивном человеке», «суд» превращается в «государственный суд», а «пролитие крови» стало «романом поступка» Достоевского. Очевидно, что социологический язык Пумпянского тех лет достаточно условен, это не язык вульгарного или ортодоксального социологизма; его отношение к марксизму, как и у Бахтина, не было эпигонским и догматическим и возникло уже в самом начале 1920-х годов. В июне 1921 года Пумпянский принимал участие в беседе о философии марксизма в петроградской Вольфиле, а весной 1923 года читал книгу Карла Форлендера «Кант и Маркс», в которой доказывалась необходимость восполнения марксизма этическим учением Канта (ср.: [Николаев 2004: 323, 324]). В своем докладе «<О марксизме>» (1924) он отказывался рассматривать марксизм в качестве научной гипотезы, а его собственная идея социализма была более близка этическому подходу в неокантианской интерпретации [Там же]. Краткий социологический период Пумпянского (1927—1930), возможно, отвечал необходимости сочетания этики с практикой. Эта попытка Пумпянского, которую он сам признал неудачной, была частью процесса оформления его мировоззрения, постоянно возвращающегося, с уточнениями, к открытиям и идеям невеликого периода. Здесь, в случае с Пумпянским, подтверждаются слова Эйхенбаума, что «наука — не поездка с заранее взятым билетом до такой-то станции» [Эйхенбаум 1928: 7].

Знакомство Эйхенбаума и Пумпянского, скорее всего, произошло в конце 1920-х годов (хотя, может быть, они встречались в студенческие годы в рамках венгеровских семинариев на филфаке), как об этом Эйхенбаум пишет в своем дневнике (запись от 23 мая 1928 года):

В воскресенье, 20-го, у Мандельштамов знакомство с Л.В. Пумпянским (читал доклад о «Медн<ом> Всадн<ике>»). Было очень интересно, исторично. Пумпянский неокантианец, необычайный эрудит; интеллектуалист, почти астральный человек. Фетишизм «научного» метода — и потому глубокое понимание, но бесплодное. Пафос методизма, а не эпохи. Хорошо понимает нас, хотя называет религиозной сектой и сближает с марксистами. Разговаривать с ним очень любопытно [Устинов 2001: 249].

-
- 3 «Жажда свободы прямо пропорциональна ее отсутствию, а ее отсутствие есть следствие десимволизации мира и дегероизации лица, т.е. релятивизма» [Пумпянский 2000: 566]. Ср. в книге о Гоголе: «Мир составлен Гоголем все в том же разорванном, релятивистическом состоянии...» [Там же: 588].
 - 4 Данная категория с этой дефиницией впервые обсуждалась в статье «Сентиментализм» (1947; опубликована посмертно): «...русский сентиментализм в высшей точке, которой он достиг, — в “Путешествии из Петербурга в Москву”, превращается в нечто выходящее за пределы сентиментализма, а именно — в социальный реализм, в завещание Радищева веку Пушкина, Гоголя и Толстого» [Пумпянский 2000: 445]. Несмотря на то что очерк опубликован в 1947 году в академической «Истории русской литературы», в нем отражены темы и подходы, изложенные в лекциях по «Истории русской классической литературы» 23, 26, 30 июля и 2 августа 1923 года. Нужно сказать, что курс «История новой русской литературы» (1921—1922) тесно связан с «Историей русской классической литературы» (1923) и работой «К истории русского классицизма» (1923—1924). Все они содержат насыщенную систему отсылок друг к другу [Николаев 2012: 290].

Запись Эйхенбаума подчеркивает, что доклад Пумпянского имел переключки с неокантианским методизмом (его подход, отмеченный Эйхенбаумом, характеризуется «фетишизмом “научного” метода», «пафосом методизма»), несмотря на то что в эти годы сам Пумпянский уже критически относился к неокантианству. Однако одновременно Эйхенбаум оценивает глубину доклада, в основе которого лежал, как мы знаем, ряд исследований Пумпянского о поэме и о творчестве Пушкина, писавшихся с конца 1910-х по первую половину 1920-х годов. Речь идет о докладе «Смысл поэзии Пушкина» (1919), лекциях по истории русской литературы 1922—1924 годов, работе «Петербург Пушкина и Достоевского» (1922), наброске «О “Медном всаднике”, о Петербурге, о его символе» (1925), за которыми в 1939 году последовало исследование «Медный всадник и поэтическая традиция XVIII века». В корпусе этих текстов Пумпянский выделяет три положения относительно развития стилей, топики и жанров: 1) «Медный всадник» — это произведение, в огромной степени отражающее традицию оды XVIII века, прежде всего с точки зрения воспроизведения формульных выражений (то же самое будет сказано в упомянутом исследовании «Медный всадник и поэтическая традиция XVIII века»); 2) поэма воспроизводит также серию тем и мотивов («оссианический гигант», «явление памятника»), присутствовавших в предшествующей литературной традиции, в основном у Державина и в европейском романтическом наследстве; а также 3) произведение представляет собой эмблематический конец неоклассической традиции, «конец оды», ибо в центре внимания Пушкина больше не Муза, согласно Пумпянскому, символ-вдохновительница оды по преимуществу, а история, в данном случае история города (то, что фактически определяется как «релятивизм»). С этой точки зрения не случайно в лекции о «Медном всаднике» 17 октября 1929 года (до нас дошли записи Н.Н. Кузнецова) Пумпянский утверждал, что самый главный элемент в литературном анализе — «литературный процесс, а не литературное произведение» [Пумпянский 2000: 672] (ср.: [Там же: 813, 816]). Таким образом, посредством анализа пушкинского стиля и топики Пумпянский демонстрирует эволюцию литературных жанров, в данном случае переход от оды к поэме и от поэмы к роману.

По всей видимости, доклад, где присутствовал Эйхенбаум, был по манере рассмотрения стилистическим, вернее, историко-литературным — однако не без утверждений, свойственным упомянутым работам 1920-х годов о пушкинской поэме; он мог содержать некоторые термины и понятия (Муза, символ), оставшиеся в литературоведческой практике Пумпянского. По этой причине Эйхенбаум назвал его «астральным человеком», человеком, глубоко погруженным в символизм.

В эти годы Пумпянский, как и Бахтин, стал критиковать основы формального метода. Как упомянуто в записи Эйхенбаума, он назвал формалистов «религиозной сектой, близкой к марксистам», но не только. В статье «Поэзия Ф. Тютчева» (1928) Пумпянский признаёт заслуги Эйхенбаума и Тынянова на уровне выявления особенностей и происхождения поэтического языка и фразеологии, но отмечает также ограниченность их подхода: на его взгляд, проблема фразеологии Тютчева не может быть сведена только к так называемому «ранговому вопросу», то есть к разделению «высокого» и «низкого» стиля, а должна рассматриваться с точки зрения развития поэтической топики [Там же: 252] (см. также: [Тынянов 1977а; 1977б; Эйхенбаум 1969]). Через год критика «формализма» повторяется на страницах статьи «Романы Тургенева и

роман “Накануне”. Историко-литературный очерк» (1929), предисловия к одному из томов «Собрания сочинений Тургенева», где текстологией занимается Эйхенбаум. В своем предисловии Пумпянский считает методическим пороком формального метода непонимание неизбежной оценки и непрерывного суда, свойственного человеческой речи:

Суд неотделим от литературы, хотя бы уже потому, что всякое словесное высказывание есть суждение, суждение же о жизненном факте сопровождается неизбежно оценкой (очень часто безмолвной и предполагаемой). Уже простая человеческая речь есть непрерывный суд; литература, представляющая вообще квалифицированное состояние человеческой речи, неотделима поэтому от суда (тоже квалифицированного и усложненного). Непонимание всей серьезности этого факта составляет, кстати, коренной методический порок так называемого формализма [Пумпянский 2000: 382].

Возможно, именно этот элемент критики формального метода мог бы содержаться в работе «Против формального метода изучения литературы», которую Пумпянский собирался опубликовать, вероятно, в духе бахтинской статьи 1924 года. Данное исследование, анонсированное среди изданий, готовящихся к печати, в книге «Достоевский и античность», вышедшей в свет в 1922 году, так никогда и не было напечатано (рукопись его не сохранилась) [Николаев 2000: 697—705].

Несмотря на эту резкую критику «формализма», конец вышеупомянутой записи Эйхенбаума позволяет предсказать продолжение отношений между двумя учеными, что подтверждается публикуемыми письмами, где обсуждается творчество Толстого и Лермонтова. В критическом отношении к Пумпянскому 1920-х годов, отраженном в записи Эйхенбаума, впоследствии что-то изменилось.

Взаимоотношения Пумпянского и Эйхенбаума на протяжении последующих десяти лет были достаточно близкими. Эти дружеские отношения подкрепляются знакомством их семей (жена Пумпянского Евгения Марковна Иссерлин была ученицей Эйхенбаума). Пумпянский и Эйхенбаум оба преподают, формируют новое поколение литературоведов и филологов, их научный подход отличается от подхода прежних лет. Пумпянский обращается к социальным и историческим аспектам, но не изменяется радикально и пытается понять, каково было воздействие неизбежных социальных изменений в прошлом и настоящем литературы. Новые запросы, однако, никогда не воспринимались и не принимались механически, они неизбежно принадлежат тому же пути, на примере обоих ученых описанному Тоддесом при помощи понятий «интериоризация» и «адаптация».

В письме от 10 апреля 1937 года Пумпянский советует Эйхенбауму обратиться к книге «The Twentieth Century Novel. Studies in Technique» (1932) американского литературоведа Джозефа Уоррена Бича (Joseph Warren Beach, 1880—1957), в то время уже автора работ, посвященных Томасу Харди и английской и американской прозе [Beach 1922; 1926; 1936]. В работе Бича, согласно Пумпянскому, Эйхенбаум мог бы найти интересные детали о Толстом и Теккере, особенно об их воспроизведении драматического идеала. В своей монографии «Лев Толстой. Книга первая. 50-ые годы» (1928) Эйхенбаум уже учитывал влияние английского писателя на толстовский очерк «Севастополь в августе 1855 года», во многом отличавшийся от прежних на уровне описательной тех-

ники, отмечая, что композиционный и разъединяющий прием Теккереев вполне принят Толстым, которому «по-видимому, хочется освободиться от строгих конструктивных форм»:

[«Севастополь в августе 1855 года»] гораздо более мозаичен и кусковат, чем прежние вещи Толстого. Психологические детали явно отрываются от собственно военного материала, описания и характеристики людей приобретают вид отдельных этюдов, конструкция теряет прежние прозрачные очертания, персонажи толпятся, теснят друг друга и, показавшись крупным планом, исчезают иной раз без следа. <...> В этой манере есть что-то от Теккереев, которого Толстого усиленно читает в 1855 г. Ему, по-видимому, хочется освободиться от строгих конструктивных форм, которых он добивался прежде. Следуя примеру Теккереев, он дает простор описательным деталям и расширяет объем вещи, не заботясь о протягивании через нее повторяющихся мотивов и о скреплении концовкой, как раньше. Вещь явно перерастает свои собственные рамки, являясь скорее всего этюдом большой формы — в стиле теккереевских романов, не столько движущихся, сколько складывающихся мозаикой. <...> Начинает обрисовываться типичный толстовский герой, душевная жизнь которого текуча и парадоксальна: «чувства испуга, гордости и отчаянной храбрости меняются в душе благородного юноши», говорит с недоумением критик.

Следы чтения Теккереев сказываются здесь еще и в той «объективности» тона, которой до сих пор не было. Патетический лиризм, которым был окрашен второй очерк, здесь снят совершенно, — тоже, по-видимому, в виде опыта. Вышеприведенная фраза о герое звучит совсем по-теккереевски. Позже, в мае 1856 г., Толстой много раз задумывается над этим вопросом и заносит в свою записную книжку интересные формулировки, в которых фигурирует и Теккерей... [Эйхенбаум 1928: 236—239]⁵.

Исходя из своих наблюдений Пумпянский советует Эйхенбауму посмотреть XV главу монографии Бича под заглавием «Dramatic Present: Thackeray, Tolstoy» [Beach 1960: 167—170] (письмо от апреля 1937 года), где Бич противопоставляет повествовательную практику Толстого и Теккереев, учитывая, однако, только «Анну Каренину» и «Ярмарку тщеславия». По Бичу, у Толстого имеется тенденция расширять время, в его произведениях действие происходит в течение нескольких дней, и сцены следуют друг за другом как в драматическом ряде, порой определяясь исключительными событиями; главный герой Толстого придает непрерывность пассажам значительной длины, даже когда описывается изменение обстановки действия [Ibid.: 165—169]. У Теккереев, напротив, продолжает Бич, центральность персонажа отсутствует, всегда выделяется переход от одного героя к другому и из одного места в другое, автор создает серию сцен, слабо стянутых вместе тонкой нитью сюжета. Таким образом, сцены представлены в форме хроники, производящей эффект, не являющийся драматическим, но в котором часто появляется ирония [Ibid.]. Данная техника, заканчивает Бич, доминирующая у Теккереев, происходит в основном из его первого опыта работы журналистом. На самом деле Бич видит у Теккереев те же самые характеристики, которые подчеркивал Эйхенбаум (фрагментар-

5 Под цитатой «критика» имеется в виду цитата из статьи С.С. Дудышкина о «Военных рассказах» и «Детстве» и «Отрочестве», вышедшей в ноябрьском номере «Отечественных записок» 1856 года.

ность, объективность, обилие деталей, присутствие людей, заполняющих своей толпой процесс повествования), и противопоставляет эту технику той же технике Толстого, не рассматривая, в отличие от Эйхенбаума, опыт Толстого — эссеиста и читателя Теккерея 1850-х годов.

В своей работе Бич выделяет тенденции повествовательных техник в романе XX века посредством восстановления авторских намерений [Ibid.: 3], сравнивая тексты и приемы писателей разных стран — Филдинга, Элиота, Гюго, Стендаля, Беннетта, а также русских авторов XIX века, в данном случае Толстого, Достоевского и Тургенева. Романы этих трех писателей привлекают внимание Бича, который, анализируя персонажей Тургенева и философию Достоевского, приходит к заключению, что Толстой и Тургенев лучше представляют русскую традицию романа:

Я не считаю его (Достоевского. — Дж.Л.) таким же великим романистом, как Толстой или Тургенев... Он специалист по психологии болезненных состояний, и во всех его книгах присутствует некая атмосфера кошмара, которая, как и в рассказах По, несомненно, представляет искусное художественное творение, но лишь отчасти соответствует дневной атмосфере, привычной нам по нашему опыту. Он не способен, подобно Толстому, переходить от тона «Макбета» к тону «Двенадцатой ночи» или «Генриха Четвертого» [Ibid.: 94]⁶.

Тургенев, как и Толстой, в концепции Бича воплощает реалистический элемент, высоко оцененный Генри Джеймсом и Уильямом Дин Хоуэллсом. Значение этого элемента заключается в создании героя, то, что Пумпянский, добавим, выделил в своей статье «Тургенев и Флобер» уже в 1930 году [Пумпянский 2000: 491]:

Его (Тургенева. — Дж.Л.) произведения представляют множество примеров упрощения формы, порожденного реалистическим направлением. Они вызвали восхищение у английских и американских писателей, в том числе у Хоуэллса и Джеймса. Джеймса восхищала в Тургеневе именно его способность сосредоточиться на характере, а не на сюжете (курсив мой. — Дж.Л.), его выбор персонажей, «интересных с нравственной точки зрения» и, на подготовительной фазе, его умение переходить от характера к действию, —

и дальше:

Я не знаю ни одного художественного произведения, в котором типы, столь разнообразные в целом и столь значимые в отдельности, были бы сведены воедино в повести такого объема, служащей иллюстрацией определенной социальной темы. В простом рассказе о событиях, происходящих в течение нескольких летних недель, сконцентрированы все элементы русской революции [Beach 1960: 131—132, 134—135].

Интересно заметить, что книга Бича была действительно получена библиотекой Пушкинского Дома. По штампу о поступлении книги видно, что она поступила 7 января 1935 года, то есть почти за три года до первого известного письма Пумпянского к Эйхенбауму в июне 1937 года. В этом экземпляре книги

6 См. подробнее X и XIV главы — «Philosophy: Dostoevski» и «Dramatic present: Dostoevski» [Beach 1960: 94—102, 155—163]. О Достоевском см. особенно: [Ibid.: 157—161]; о Толстом: [Ibid.: 167—170]. Здесь и далее перевод с английского мой.

имеются некоторые подчеркивания синим карандашом⁷. Если проанализировать эти пометы, можно увидеть, что они касаются как раз тех авторов, которыми Пумпянский занимался в то время. В частности, подчеркивания относятся к Джойсу, Прусту (статья «О Прусте» 1926 года, а также раздел «Литературы современного Запада и Америки», дальше ЛСЗиА), Драйзеру и Дос-Пассосу (разделы в ЛСЗиА — особенно о Драйзере, которого переводили в Советской России), Достоевскому («Достоевский и античность», вспомним также книгу М.М. Бахтина) и Тургеневу (статьи о Тургеневе, «Тургенев и Запад»). Что касается Пруста, пометы относятся к композиционным приемам французского писателя. По Бичу, «В поисках...» Пруста — это не роман, а «собрание воспоминаний» («a collection of memories» [Beach 1960: 48]), обязанных в основном опыту писателя. В частности, Бич подчеркивает, как композиция Пруста опирается на развитие тем («development of themes» [Ibid.: 49]), где сюжет не имеет особого значения [Ibid.: 53]. Эти наблюдения подтверждают то, что Пумпянский уже написал в статье «О Прусте» (1926), когда выявил, что у Пруста важно лишь присутствие деталей, а не сюжета:

...все вообще детали у Пруста получили несравненно большее значение, и притом не численно, а в принципе, потому что, кроме деталей, собственно говоря, ничего и нет. В известном смысле здесь произошло одно из решений вечного спора между чисто эстетическим интересом сюжета и научно-описательным познавательным интересом материала; каждое произведение было всегда решением вечной проблемы; в этом громадный теоретический интерес Пруста, прямое обогащение теории поэзии [Пумпянский 1998: 14].

И дальше: «Писать роман без сюжета значит отказаться от вымысла» [Там же: 16].

Причина особого внимания Пумпянского к книге Бича состоит в том, что Бич, естественно, не зная работ Пумпянского, сходным образом говорит о центральной роли героя в тургеневском романе. Сам Пумпянский раскрыл это положение в статьях о Тургеневе, в ЛСЗиА и в работе «Тургенев и Запад» (1940), тесно связанной с его тургеневскими статьями. В данных работах тургеневский роман определялся как «роман в поиске себя», как определенный симптом эпохи, имевший огромный резонанс как в европейской прозе XIX века, так и в современной литературе. Согласно этой концепции, в «романе поиска себя» (или «романе героя» или «героическом романе») [Пумпянский 2000: 381, 383, 385] сюжет больше не играет основной роли, главной целью становится определение героя и его личности, а основными приемами автора оказываются сравнение и неслыханное внимание к деталям [Пумпянский 1998: 13]. Поздний Тургенев, по мнению исследователя, продолжает и развивает флюберовскую традицию [Пумпянский 2000: 499, 502]. Но и сам Флобер испытывает влияние тургеневской прозы. Через Флобера, таким образом, эта композиционная и структуральная техника вошла в европейскую литературу, распространившись у современных европейских и американских писателей, воспринявших непосредственно или опосредованным образом такую манеру, способ построения персонажей и изображения природы, как это видно на примерах Джеймса Джойса, Уильяма Дина Хоуэллса, а также, вероятно, американского романиста Синклера Льюиса:

7 Благодарю Сергея Ивановича Николаева за любезную проверку шифров в библиотеке.

Возможно, что и «тургеневская женщина» сыграла известную роль в сложении героини Льюиса, реформаторши-интеллигентки, вступающей в борьбу за пробуждение людей, погруженных в сон; вероятно, поэтому роман воспринимается русским читателем как близкий по темам, заранее понятный и принципиально легкий: все, о чем рассказывает Льюис, известно нам из опыта прошлой русской литературы [Пумпянский 1930].

Значимость этого явления в динамике развития романа подтверждается у Пумпянского и изучением стилистики романа, в частности современного американского романа. В ЛСЗиА Пумпянский анализирует и сравнивает описания войны у Стивена Крейна и Толстого именно на основании того, что Крейн хорошо знал и читал Толстого:

Успех «Мэгги» выдвинул и другой роман Крейна «Алый знак доблести» («The red badge of honour», 1895), исторический роман о гражданской войне 1860-х годов, написанный, однако, совсем не так, как многочисленные американские романы на эту тему. Даже «Север и Юг» Эптона Синклера (Manassas 1904) при всех своих качествах трактует войну дотолстовскими методами. *Крейн же был глубоким знатоком Толстого* (курсив мой. — Дж.Л.); он считал его (как видно, между прочим, из переписки его с Джозефом Конрадом) величайшим европейским писателем XIX в. и особенно высоко ставил то преобразование баталистики, которое совершил Л. Толстой. Следуя ему, он отказывается от генерального изображения хода военных действий и хода битвы; дана только та часть битвы, которая входит в кругозор единичного ее участника; интересно и толстовское развенчание традиционного понимания воинской храбрости: храбр, для Толстого и для Крейна, тот, кто умеет преодолеть или дисциплинировать природный живому существу страх перед смертью или физическим страданием [Там же].

Таким образом, эти наблюдения и выводы Пумпянского конца 1920-х и начала 1930-х годов позволяют понять, как русский роман на уровне структуры, построения героя и стилистики мог способствовать формированию и становлению европейского и западного романа вообще.

Эйхенбаум в это же время, хотя исходит из других предпосылок, движется в типологически сходном направлении, интересуясь при этом не только формальными, но и структуральными, жанровыми элементами, касающимися эволюции и, следовательно, имеющими чисто исторический характер. После исследований первой половины 1920-х годов о Толстом [Эйхенбаум 1922а; 1922б], Эйхенбаум в статье «В поисках жанра» (1924), в «литбытовых» работах 1927 года, в предисловии к первому тому монографии о Толстом и в самой этой книге («Лев Толстой. Пятидесятые годы», 1928) начинает интересоваться «историческим поведением» Толстого, признавая важную роль личности в истории, «исторической судьбы, исторического поведения», и говорит также о внутренней жанровой эволюцией повествовательной композиции Толстого [Эйхенбаум 1928: 6] (см. также: [Левченко 2012: 176—178; Тоддес 2019: 223, 227])⁸. Хотя пер-

8 Это касалось не только Толстого, но также и современных поэтов, например таких, как Сергей Есенин [Эйхенбаум 1927б]. Лидия Гинзбург в своей работе «Проблема поведения (Б. Эйхенбаум)» отмечает именно этот аспект [Гинзбург 2002: 441]. Здесь следует сравнить эти идеи Эйхенбаума с понятием «личной жизни в истории» Григория Винокура в его книге «Биография и культура», как это показывает и Гинзбург [Там же: 443].

спектива исследования неизменно была диахронической, она постепенно позволила открыть некоторые основополагающие категории эволюции прозы и романа, в частности даже современного. Недаром в 1924 году Эйхенбаум пишет, что в современном романе «отмирают традиционные конструктивные элементы повествовательных жанров, — герой, пейзаж, любовь и т.д.» [Эйхенбаум 1927а: 293]. Выход из тупика, в который попал русский роман, самим Эйхенбаумом был найден в жанре биографии.

Подобно роману в поисках себя (определение Пумпянского), биография или историческое поведение писателя также является предметом общего интереса: как создается роман, какую роль он играет в развитии жанра. Если сравнивать категории «исторического поведения» у Эйхенбаума как одной из основных черт романа, в частности у Толстого, и «романа в поиске героя» Пумпянского, связанного с тургеневским романом, то можно заметить отличия в подходе. В случае Эйхенбаума вопрос всегда относится к внутренней эволюции самого писателя. В книге «Лев Толстой: Пятидесятые годы» (1928) интерес Эйхенбаума безусловно обращен к жанровой эволюции, но при этом он целиком связан с внутренней эволюцией Толстого. Эйхенбаум анализирует биографический материал, заметки, тетради в новом свете, но при этом в пределах той же самой диахронической перспективы. Пумпянский же, со своей стороны, пытается преодолеть такой подход, который он при этом ценит и поддерживает. Его «роман в поиске себя» — что-то другое, и его перспектива — диахроническая, но на уровне жанрового процесса вообще, на основе историко-литературного анализа связи Тургенева с французской литературой. Тот же самый подход применен и к другому автору, первостепенному в исследованиях как Пумпянского, так и Эйхенбаума — Михаилу Лермонтову.

В письме № 6 от 11 февраля 1940 года Пумпянский информирует Эйхенбаума о статье, которую он пишет, с еще не определенным названием «Лермонтов и Запад» или «Два стиля Лермонтова».

Творчество Лермонтова было проанализировано Пумпянским еще в лекциях о русском писателе, написанных с мая по июль 1922 года и относящихся к летнему курсу Тенишевского училища [Николаев 2000: 824]. Судя по наблюдениям Пумпянского, лермонтовской прозе (прежде всего «Герою нашего времени») свойственно так называемое ускорение ритма (или его синонимы «ускоренный стиль», «ритм ускорения», «нервная быстрота» и «крайняя быстрота повествования») [Пумпянский 2000: 634, 642], то есть особый стиль повествования рассказчика. Пумпянский сразу говорит о трудности определения происхождения этой особенности, хотя, по его словам, можно найти ее истоки в повествовательной манере Стендаля и Мериме [Там же: 636] (см.: [Николаев 2012: 293, 294]), где ускорение ритма, как бы сжимавшее время, вынуждало человека (будь он рассказчиком, но, пожалуй, также и персонажем) к внезапным изменениям и, следовательно, к раскрытию его индивидуальности и личности. У Лермонтова «ускорение ритма» отмечается, например, когда путешествие рассказчика описывается так называемым «дорожным стилем» [Пумпянский 2012: 298], то есть именно так, как у Карамзина в «Письмах русского путешественника»: «Откуда этот неподобный ритм быстроты? См. в лекциях о Лермонтове»: пишет Пумпянский в лекциях «<О стиле Карамзина>» [Там же: 299]. В анализе Пумпянского вопрос также тесно связан с «военно-умной торопливостью наполеоновского времени» [Там же: 636] (ср.: [Николаев 2012: 294]), отражающейся, по всей видимости, в нервозности личности рассказчика. Это

признак очень быстрых социально-экономических изменений. В лермонтовской прозе, по Пумпянскому, напряженный процесс рассказа ведет к судорожному внутреннему состоянию самого рассказчика, выражающемуся через его неожиданную веселость, точнее, «ироничную, умную веселость рассказывающего» [Пумпянский 2000: 636].

Соединение чисто формального анализа с социальной интерпретацией осуществлено в статье «Стиховая речь Лермонтова» (1939), опубликованной в 1941 году. Здесь Пумпянский называет Лермонтова звеном между поколением декабристов и следующим поколением Чернышевского. Пумпянский обсуждает также руссоизм Лермонтова и Толстого, тему еще малоизученную. В этом вопросе, на взгляд Пумпянского, «Валерик» играет фундаментальную роль: «Путь к крестьянству и крестьянской демократии» и тема «руссоизма» представляют собой «два разных строя стихотворной речи» Лермонтова [Там же: 344, 345].

Как и в случае работ о Толстом 1930-х годов, произведения Эйхенбаума 1930-х, а затем 1940-х годов, посвященные Лермонтову, отличаются от произведений предыдущего десятилетия: исследователь уделяет особое внимание политическому и моральному посланию таких произведений, как «Маскарад», незавершенный «Вадим», а также «Герой нашего времени», в которых возникает проблема природы зла и вины [Тоддес 2019: 247; Эйхенбаум 1961: 215, 216, 219; Апу 1994: 135]. Теперь интерес к Лермонтову, человеку, вынужденному подвергать все цензуре, становится почти проекцией биографических событий самого Эйхенбаума, и XIX век, как пишет Эйхенбаум Шкловскому от 26 января 1932 года, представляет собой тень, которая влияет на судьбу 1930-х годов следующего столетия (см.: [Апу 1994: 135]). Подготовка академического издания Лермонтова занимает большую часть работы Эйхенбаума в 1930-х годах, а Пумпянский учитывает это, когда в письме ссылается на свой замысел написать статью «Лермонтов и Запад» (вероятно, по образцу статьи «Тургенев и Запад») (см. письмо 6).

Спустя годы, в июле 1951 года, Эйхенбаум перечитал статью Пумпянского «Тургенев-новеллист» (1929) и сделал такую запись в своем дневнике: «Важно в “Переписке” Тургенева — против утопических идей: “Но не должно забывать, что не счастье, а достоинство человеческое — главная цель в жизни”» [Тоддес 2019: 254]. В статье Пумпянского говорится о романах и повестях Тургенева как о философских произведениях, в которых огромную роль играет «философско-пейзажная оркестровка» и фактически излагается «общее учение о жизни» [Пумпянский 2000: 430]. Тургенев — мастер «философско-пейзажной оркестровки» с особым методом философичности: от особого «единичного наблюдения» [Там же] до общего, с трактовкой при этом основных фаз человеческой жизни — старости, немощи человека, смерти, а также судьбы [Там же: 432]. Вот то, что, возможно, могло заинтересовать Эйхенбаума в 1950-е годы, и, возможно, то, что он нашел в статье «Тургенев-новеллист»: как сделан человек и как осуществляется его личность в истории.

Путь Эйхенбаума поэтому следует рассматривать как траекторию, как маршрут от слова к личности и от личности к истории, где история является фоном, на который проецируется каждый литературный факт, и эта история проявляет себя во всех своих смыслах (общество, мораль, литературная эволюция). Пумпянский также придает истории ведущую роль, а его общая концепция опирается на убеждение, что литературный процесс и, следовательно, история (будь она история событий, будь она литературной историей, исто-

рией жанров или самой социальной историей) — не только перспектива анализа, но она — также цель, к которой стягиваются темы, стили и мотивы русской и западной культурных традиций. И именно с этой целью соотносится постоянный поиск общей «энциклопедии гипотез», общих черт топики и стилистики в мировых литературах. Насколько Пумпянский обращал пристальное внимание на систему стратификации жанров и особенности историко-литературной, эстетической и стилистической эволюции, в пределах которой находятся произведения и писатели, настолько он мог сближаться с Эйхенбаумом в 1930-е годы, ведь тот, в свою очередь, частично дистанцировался тогда от своего «формального» мировоззрения и принадлежности к формальному методу 1910-х и 1920-х годов.

Письма к Эйхенбауму публикуются по подлиннику: Российский государственный архив литературы и искусства. Ф. 1527 (Борис Михайлович Эйхенбаум). Оп. 1. Ед. хр. 552.

Письмо 1

Л. 1

Дорогой Борис Михайлович,

в книге Бича

J.W. Beach — The twentieth century novel, N.Y. 1932

[Яков<ов> Иерон<имович> 1935к 56]⁹

на стр. 94 есть замечание о Теккерее — Троллопе — Толстом, к<ото>рое может Вам пригодиться¹⁰.

Вообще в книге (особенно в конце) много интересного и расширяющего кругозор. О Толстом немало (см. по указателю).

Ваш

Л.В. Пумпянский

10/VI 37

Уезжаем 13-ого утром.

-
- 9 Яков Иеронимович — несомненно Я.И. Ясинский (1886—1942) — сотрудник библиотеки Пушкинского Дома, затем идет шифр книги Бича в этой библиотеке. Б.М. Эйхенбаум должен, таким образом, обратиться к Я.И. Ясинскому, у которого должна быть отложенная для него книга. Шифры до сих пор остались именно такими в библиотеке Пушкинского Дома. В конце письма Л.В. Пумпянский сообщает, что он с женой Евгенией Марковной Иссерлин уезжает в отпуск. Благодарю Сергея Ивановича Николаева за любезную проверку шифров в библиотеке.
- 10 Ср.: «Он [Достоевский] не способен, подобно Толстому, варьировать тон “Макбета”, с одной стороны, и “Двенадцатой ночи” или “Генриха Четвертого”, с другой. Он не обладает той способностью к комедии нравов, что Толстой, произведения которого заставляют нас вспомнить о Теккерее или Троллопе. Мне кажется, я догадываюсь, что именно в Достоевском вызывало у Конрада такую ярость» [Beach 1960: 94]. В экземпляре Пушкинского Дома подчеркнута именно указанная тут часть.

Л. 2

[Оборотная сторона записки; то есть записка была оставлена, скорее всего, в Пушкинском Доме или в его библиотеке для Б.М. Эйхенбаума.]

Б.М. Эйхенбауму

[Здесь карандашом же указаны шифры книг из библиотеки Пушкинского Дома:]
1935и 694 Dumas; 1935к 56 Beach¹¹

Письмо 2

Л. 3

[Оборотная сторона почтовой открытки]

15 июля 39

Дорогой Борис Михайлович,

только сегодня приехали в Эссенуки, я задержался в Ленинграде. Пробудем здесь до 5 августа, потом едем в дом отдыха в Агабек.

Очень хочу Вас видеть. Предлагается Вам приехать навестить нас с Раей Борисовной и Димой¹², будем страшно рады угостить Вас прекрасным медом. Если же Вы стали очень неподвижны, с удовольствием заедем к Вам. Но предпочтительнее первое, п<отому> ч<то> мы еще устали, а Вы все успели отдохнуть и поправиться.

От вокзала минут 5, в сторону, противоположную парку и источникам, через полотно.

Преданный Вам

Л.В. Пумпянский

Сердечный привет Рае Борисовне. Привет от Евг<ении> Марк<овны>¹³.

Евг<ения> Марк<овна> сама хочет послать привет. Еще вопрос, чей Борис Михайлович больше, мой или Л<ьва> В<асильевича>!

Очень хочется повидать Вас и Раю Борисовну.

Евгения [подпись]

11 Шифры рекомендуемой книги Бича для Б.М. Эйхенбаума.

12 Раиса Борисовна Эйхенбаум (урожд. Брауде, 1890—1946), жена Эйхенбаума. Они поженились в 1911 году. Дмитрий Борисович Эйхенбаум (1922—1943) был младшим сыном Бориса Михайловича и Раисы Борисовны. Дмитрий ушел на фронт и погиб в Сталинграде в 1943 году.

13 Евгения Марковна Иссерлин (1906—1994), лингвист, жена Пумпянского и ученица Б.М. Эйхенбаума по Институту истории искусств с середины 1920-х годов. Л.В. Пумпянский познакомился с Б.М. Эйхенбаумом только в 1928 году. Л.В. Пумпянский женился на Е.М. Иссерлин в самом конце 1920-х годов. Ею совместно с Н.И. Николаевым был подготовлен первый сборник трудов литературоведа «Классическая традиция» (2000).

Л. 3а

[Адресная сторона почтовой открытки с почтовыми штампами: Ессентуки, 16.07.39; Пятигорск 18.07.39
(Куда. Кому) Пятигорск. Лермонтовская, 18. Музей «Домик Лермонтова». Профессору Борису Михайловичу Эйхенбауму
(Адрес отправителя) Ессентуки, Пушкинская, 62, Костюковым, для Л.В. П<умпянск>ого]

Письмо 3

Л. 4

[Оборотная сторона почтовой открытки]

21 июля 39

Дорогой Борис Михайлович,
собираемся к Вам 23-ьего, одним из поездов, отходящих в 4 с минутами, — следовательно, около 5 будем у Вас.
Если Рая Борисовна еще плохо себя чувствует и наш визит неудобен, напишите, соберемся в другой день.
Преданный Вам и всем Вашим Л.В. Пумпянский

Л. 4а

[Адресная сторона почтовой открытки с почтовыми штампами: Ессентуки, 21.07.39; Пятигорск 22.07.39
(Куда. Кому) Пятигорск. Ул. Буачидзе, 15, кв. д-ра Стоянова. Борису Михайловичу Эйхенбауму
(Адрес отправителя) Ессентуки, Пушкинская, 62, А.Н. Костюкову, для Л.В. П<умпянск>ого¹⁴]

Письмо 4

Л. 5

[Оборотная сторона почтовой открытки]

24 июля 39

Дорогой Борис Михайлович,
простите, что подвели, это очень нехорошо, но мы не виноваты. Вчера у меня поднялась температура, я слег, доктор объяснил это как довольно обычное здесь

14 Л.В. Пумпянский отправляет открытку по новому адресу. Следовательно, был получен ответ на предшествующую почтовую открытку, где был указан адрес отправителя.

отравление водами в первый период лечения. Лежу и сегодня. Встану ли завтра, неизвестно. Но беда не в этом, хуже то, что доктор нашел у меня, кроме колита, гепатит (расширение печени). Выяснилось, что без настоящего санаторного лечения не обойтись. Придется приехать сюда в октябре или ноябре. Вместо работы, вместо дела! Это меня так удручает, что я очень прошу Вас, если только Рае Борисовне лучше и Вы можете отлучиться, навестить нас в самое близкое время. Заезжали Гуковские¹⁵, Зоя Владимировна уже давно здорова. — Приезжайте, я отвлекусь от печальных мыслей.

Преданный Вам Л.В. Пумпянский

[Ниже текста письма имеются карандашные записи, возможно, Б.М. Эйхенбаума] Ахматов (Баталинская, 9 или 13) или <неразб.> РОК (Кисловодская ул., недалеко от Курортной поликлиники)¹⁶

Л. 5а

[Адресная сторона почтовой открытки с почтовыми штампами: Эссендуки — отпечаток поврежден; Пятигорск, 25.07.39]

(Куда. Кому) Пятигорск. Ул. Буачидзе, 15, кв. д-ра Стоянова. Борису Михайловичу Эйхенбауму

(Адрес отправителя) Эссендуки, Пушкинская, 62, А.Н. Костюкову, для Л.В. П<ум-пянск>ого

Письмо 5

Л. 6

[Оборотная сторона почтовой открытки]

23 января 40, Старорусская, 3, больница имени Свердлова, I отдел<ение>, палата 8.

Приемные дни и часы: общевыходные и вторые 4—6 ч.

15 Григорий Александрович Гуковский (1902—1950) и Зоя Владимировна Гуковская (урожд. Артамонова; 1907—1973) были тесными друзьями Пумпянских. Григорий Александрович был учеником Пумпянского, и Пумпянский опубликовал главы «Кантемир» и «Тредиакровский» в учебнике для вузов Г.А. Гуковского «Русская литература XVIII века» (1939). Вспоминая свои академические годы, Лидия Лотман процитирует эпизод, касающийся самого Льва Васильевича и Григория Александровича: «Эрудиция Пумпянского была притчей во языцех, о ней рассказывали легенды, утверждали, что его можно спросить о любом малоизвестном или вообще неизвестном факте из истории мировой литературы, и он немедленно даст точную справку. Готовясь к экзамену, мы трепетали и изготовили шпаргалки, содержавшие краткие фактические данные из конспектов его лекций. Находясь в коридоре во время экзамена, я случайно “подслушала” разговор Гуковского с Пумпянским. Григорий Александрович сообщал Льву Васильевичу: “Они уже вытащили шпаргалки и, кажется, успокоились”» (*Лотман Л.М.* Воспоминания. СПб.: Нестор-история, 2007. С. 112). О позиции Эйхенбаума и Гуковского в 1930-е годы см. также: [Depretto 2008].

16 Именно в июле 1939 года в Эссендуках стали известны первые симптомы серьезного заболевания Л.В. Пумпянского; и об этом он сообщает Б.М. Эйхенбауму.

Дорогой Бор<ис> Мих<айлович>, увидел Вашу фамилию в списке членов Лерм<онтовского> комитета на самом рубеже и гребне, страшно захотелось Вас повидать. Это — нелегко, приемные часы неудобные, сразу после обеда, но пока Вы свободнее в зимний перерыв, доставьте мне как-нибудь эту радость. Мое положение серьезно, предстоит долгое лечение, да и отсюда меня, кажется, нескоро отпустят. Серьезность медицинская здесь и уровень бытовых условий выше всех похвал. Мучительные анализы с 18-ого кончились (а привезли меня 8 января), надо лежать, лежать и медленно, медленно поправляться. Кроме Евг<ении> М<арковны> и родственников <не читается — повреждено> у меня не было. Если никак не можете <не читается — повреждено>, то напишите что-нибудь приятное. Т<ак> к<ак> декан постоянно звонит — Евг<ению> М<арковн>е, то какие-то университетские новости до меня доходят. Слабая надежда к апрелю хоть полу-восстановить полу-силы и вернуться к относительной работоспособности¹⁷.

Сердечный привет Рае Борисовне.

Преданный Вам Л.В. Пумпянский

Л. 6а

[Адресная сторона почтовой открытки с почтовыми штампами: Ленинград, 23.01.40; Ленинград, 23.01.40]

(Куда. Кому) Здесь. Канал Грибоедова, 9, кв. 48. Борису Михайловичу Эйхенбауму

(Адрес отправителя) Здесь, Старорусская, 3, больница им. Свердлова, I отделение, палата 8

Письмо 6

Л. 7

[Оборотная сторона почтовой открытки]

11 февраля 1940

Дорогой Борис Михайлович, чувствую себя все лучше, даже прибавляюсь понемножку в весе. Я заговорил о выписке, врач сказал, что когда сойдут морозы, можно будет обсудить вопрос в самом деле, если все лечение, и единственно возможное заключено в укреплении организма в его борьбе с болезнью, то отчего не делать это дома? Постельный режим, лекарства самые немудреные и обильная диетная пища — бабушка (умирающая от скуки) клянется все это выполнить дома. Надеюсь переехать около 20-ого, больница основательно надоела, свою громадную роль она уже сыграла.

Ев<гения> М<арковна> рассказывала мне, как Вы три раза после того, как были у меня, звонили ей — и без дела, только для того, чтобы сказать, что Вы нашли меня в хорошем состоянии. Я был просто тронут таким вниманием.

17 В минуту смертельной болезни Л.В. Пумпянский обращается к Б.М. Эйхенбауму.

Когда перееду домой, еще долго, в лучшем случае нельзя будет выходить, по-немногу начну работать дома. Думаю начать собирать материалы к работе «Лерм<онтов> и Запад», начну, напр<имер>, с регистрации того, что сделано (Дюшен и др.)¹⁸, потом начну <неразб.> чтение англ<ийских> романтиков, — не только Байроно-Муровской группы, но и Озерной школы¹⁹. А вдруг найду источник «Джулио»²⁰, прославлюсь и превознесусь выше не только Вас, но и Лебедева-Полянского²¹?

Всего, всего хорошего. Привет сердечный Рае Борисовне. Будьте здоровы и трудолюбивы.

Вам преданный ваш Л.В. Пумпянский

В моей <неразб.> статье надо переменить заглавие: «Два стиля в лирике Лермонтова»²² [почеркнуто Л.В. Пумпянским]

Л. 7а

[Адресная сторона почтовой открытки с почтовыми штампами: Ленинград, 13.02.40; Ленинград, 13.02.40
(Куда. Кому) Здесь. Канал Грибоедова, 9, кв. 48. Борису Михайловичу Эйхенбауму (Адрес отправителя) Старорусская, 3, больница им. Свердлова, I отд<еление>, палата 8, Л.В. Пумпянский]

-
- 18 Тут имеется в виду книга, опубликованная по случаю столетия Лермонтова: *Дюшен Э.* Поэзия М.Ю. Лермонтова в ее отношении к русской и западно-европейским литературам / Пер. с фр. В.А. М.-ой и Б.В. Зевалина; под ред. П.П. Миндалева. Казань, 1914. Перевод третьей части исследования Э. Дюшена, вышедшего на французском языке в 1910 году под оригинальным названием: *Dushesne E.* M.Y. Lermontov. Sa vie et ses oeuvres. Paris: Libraire Plon, 1910. Эту книгу Л.В. Пумпянский собирался читать, естественно, во французском оригинале.
- 19 Озерная школа — круг английских поэтов, живших в Озерном крае Англии и активных в конце XVIII — первой половины XIX века. Основными фигурами школы являлись Уильям Вордсворт, Сэмюэль Тэйлор Кольридж и Роберт Саути. Пумпянский испытывал постоянный интерес к английской поэзии XIX века, начиная с его работ о русском классицизме (1923—1924) и о Тютчеве (1928) до книги ЛСЗиА.
- 20 «Джулио» (1830) — поэма М.Ю. Лермонтова.
- 21 Павел Иванович Лебедев-Полянский (1881—1948) — советский литературовед, марксист, партийный функционер, с 1922 по 1931 год заведующий Главлитом, а с 1937 по 1948 год директор ИРЛИ РАН. Ироническое упоминание фигуры Лебедева-Полянского подчеркивает шуточный характер всего вопроса. И все же Л.В. Пумпянский в этой шуточной форме высказал предположение о наличии английского источника у поэмы «Джулио».
- 22 Это может быть еще один вариант названия статьи Пумпянского «Стиховая речь Лермонтова», опубликованной в 1941 году, где речь идет именно о двух разных стилях с ссылкой на способность Лермонтова быть связующим звеном между крестьянством и крестьянской демократией и руссоизмом Толстого.

Библиография / References

- [Гинзбург 2002] — *Гинзбург Л.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. СПб.: Искусство—СПб, 2002.
(*Ginzburg L. Zapisnye knizhki. Vospominaniya. Esse. Saint Petersburg, 2002.*)
- [Левченко 2012] — *Левченко Я.* Другая наука. Русские формалисты в поисках биографии. М.: Высшая школа экономики, 2012.
(*Levchenko Ia. Drugaya nauka. Russkie formalisty v poiskhakh biografii. Moscow, 2012.*)
- [Николаев 2000] — *Николаев Н.И.* Примечания // Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П. Чудаков; сост. Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев; вступ. статья, подгот. текста и примеч. Н.И. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 649—831.
(*Nikolaev N.I. Primechaniya // Pumpyanskiy L.V. Klassicheskaya traditsiya. Sobranie trudov po istorii russkoy literatury / Ed. by N.I. Nikolaev. Moscow, 2000. P. 649—831.*)
- [Николаев 2004] — *Николаев Н.И.* Невельская школа философии и марксизм (Доклад Л.В. Пумпянского и выступление М.М. Бахтина) // Литературоведение как литература: Сборник в честь С.Г. Бочарова / Под ред. И.Л. Поповой. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 323—330.
(*Nikolaev N.I. Nevelskaya shkola filosofii i marksizm. (Doklad L.V. Pumpyanskogo i vystuplenie M.M. Bakhtina) // Literaturovedenie kak literatura: Sbornik v chest' S.G. Vocharova / Ed. by I.L. Popova. Moscow, 2004. P. 323—330.*)
- [Николаев 2012] — *Николаев Н.И.* Л.В. Пумпянский о стиле Карамзина // Litterarum Fructus: Сборник статей к 60-летию С.И. Николаева / Под ред. Н.Ю. Алексеевой и Н.Д. Кочетковой. СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 289—295.
(*Nikolaev N.I. L.V. Pumpyanskiy o stile Karamzina // Litterarum Fructus: Sbornik statey k 60-letiyu S.I. Nikolaeva / Ed. by N.Ju. Alekseeva i N.D. Kochetkova. Saint Petersburg, 2012. P. 289—295.*)
- [Пумпянский 1930] — *Пумпянский Л.В.* Литература Современного Запада и Америки. Архив Л.В. Пумпянского. СПб. Частное собрание.
(*Pumpianskii L.V. Literatura Sovremennogo Zapada i Ameriki. Arkhiv L.V. Pumpianskogo.*)
- [Пумпянский 1998] — *Пумпянский Л.В.* О Марселе Прусте // Произведенное и названное: Философские чтения, посвященные М.К. Мамардашвили, 26—27 ноября 1995 года / Соред. В.А. Кругликов, Ю.П. Сенокосов. М.: Ad Marginem, [1998]. С. 11—22.
(*Pumpyanskiy L.V. O Marsele Pruste // Proizvedennoe i nazvannoe: Filosofskie chteniya, posvyashchennye M.K. Mamardashvili, 26—27 noyabrya 1995 goda / Sorred. V.A. Kruglikov, Yu.P. Senokosov. Moscow, 1998. P. 11—22.*)
- [Пумпянский 2000] — *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы / Отв. ред. А.П. Чудаков; сост. Е.М. Иссерлин, Н.И. Николаев; вступ. статья, подгот. текста и примеч. Н.И. Николаева. М.: Языки русской культуры, 2000.
(*Pumpyanskiy L.V. Klassicheskaya traditsiya. Sobranie trudov po istorii russkoy literatury / Ed. by N.I. Nikolaev. Moscow, 2000.*)
- [Пумпянский 2012] — *Пумпянский Л.В.* <О стиле Карамзина> // Litterarum Fructus: Сборник статей к 60-летию С.И. Николаева / Под ред. Н.Ю. Алексеевой и Н.Д. Кочетковой. СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 296—307.
(*Pumpyanskiy L.V. <O stile Karamzina> // Litterarum Fructus: Sbornik statey k 60-letiyu S.I. Nikolaeva / Ed. by N.Yu. Alekseeva and N.D. Kochetkova. Saint Petersburg, 2012. P. 296—307.*)
- [Тоддес 2019] — *Тоддес Е.А.* Б.М. Эйхенбаум в 30—50-е годы (К истории советского литературоведения и советской интеллигенции) // Тоддес Е.А. Избранные труды по русской литературе и филологии / Сост. Е. Лямина, О. Лекманов, А. Осповат. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 220—313.
(*Toddes E.A. B.M. Eikhnenbaum v 30—50-e gody (K istorii sovetskogo literaturovedeniya i sovetckoy intelligentsii) // Toddes E.A. Izbrannyye trudy po russkoy literature i filologii / Comp. by E. Liamina, O. Lekmanov, A. Ospovat. Moscow, 2019. P. 220—313.*)
- [Тынянов 1977а] — *Тынянов Ю.Н.* Тютчев и Гейне // Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино / Подгот. изд. и коммент. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М.: Наука, 1977. С. 29—37.
(*Tynianov Ju.N. Tyutchev i Geine // Tynyanov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino / Prep. and comment. by E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow, 1977. P. 29—37.*)
- [Тынянов 1977б] — *Тынянов Ю.Н.* Вопрос о Тютчеве // Тынянов Ю.Н. Поэтика.

- История литературы. Кино / Подгот. изд. и коммент. Е.А. Тоддес, А.П. Чудаков, М.О. Чудакова. М.: Наука, 1977. С. 38—51.)
- (*Tynianov Ju.N. Vopros o Tyutcheve // Tynianov Yu.N. Poetika. Istoriya literatury. Kino / Prep. and comment. by E.A. Toddes, A.P. Chudakov, M.O. Chudakova. Moscow, 1977. P. 38—51.*)
- [Устинов 2001] — Материалы диспута «Марксизм и формальный метод» 6 марта 1927 г. / Публ., подгот. текста, сопровод. заметки и примеч. Д. Устинова // Новое литературное обозрение. 2001. № 50. С. 247—278.
- (*Materialy disputa "Marksizm i formal'nyy metod" 6 marta 1927 g. / Publ., prep., accomp. notes and notes by D. Ustinov // Novoe literaturnoe obozrenie. 2001. No. 50. P. 247—278.*)
- [Эйхенбаум 1922а] — *Эйхенбаум Б.М.* Вступительный очерк // Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. СПб.: Государственное изд-во, 1922. С. 1—43.
- (*Eikhenbaum V.M. Vstupitel'nyi ocherk // Tolstoy L.N. Detsvo. Otrochestvo. Yunost'. Saint Petersburg, 1922. P. 1—43.*)
- [Эйхенбаум 1922б] — *Эйхенбаум Б.М.* Молодой Толстой. Пг.; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.
- (*Eikhenbaum V.M. Molodoy Tolstoy. Petrograd; Berlin, 1922.*)
- [Эйхенбаум 1927а] — *Эйхенбаум Б.М.* В поисках жанра // Эйхенбаум Б.М. Литература. Теория. Критика. Полемика. Л.: Прибой, 1927. С. 291—295.
- (*Eikhenbaum V.M. V poiskakh zhanra // Eikhenbaum V.M. Literatura. Teoriya. Kritika. Polemika. Leningrad, 1927. P. 291—295.*)
- [Эйхенбаум 1927б] — *Эйхенбаум Б.М.* Литературная личность Есенина // Красная газета, вечерний выпуск. 1927. 10 янв. № 8. С. 1.
- (*Eikhenbaum V.M. Literaturnaya lichnost' Esenina // Krasnaia gazeta, vechernii vypusk. 1927. January 10. No. 8.*)
- [Эйхенбаум 1928] *Эйхенбаум Б.М.* Лев Толстой: В 2 кн. Кн. 1. 50-ые годы. Л.: Прибой, 1928.
- (*Eikhenbaum V.M. Lev Tolstoy: In 2 vols. Vol. 1. Pyatidesyatye gody. Leningrad, 1928.*)
- [Эйхенбаум 1961] — *Эйхенбаум Б.М.* Драммы Лермонтова // Эйхенбаум Б.М. Статьи о Лермонтове. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 125—220.
- (*Eikhenbaum V.M. Dramy Lermontova // Eikhenbaum V.M. Stat'i o Lermontove. Moscow; Leningrad, 1961. P. 125—220.*)
- [Эйхенбаум 1969] — *Эйхенбаум Б.М.* Мелодика русского лирического стиха // Эйхенбаум Б.М. О поэзии. Л.: Советский писатель. Ленинградское отделение, 1969. С. 395—408.
- (*Eikhenbaum V.M. Melodika russkogo liricheskogo stikha // Eikhenbaum V.M. O poezii. Leningrad, 1969. P. 395—408.*)
- [Any 1994] — *Any C. Boris Eikhenbaum. Voices a Russian Formalist.* Stanford: Stanford University Press, 1994.
- [Beach 1922] — *Beach J.W.* The Technique of Thomas Hardy. Chicago: University of Chicago Press, 1922.
- [Beach 1926] — *Beach J.W.* The Outlook for American Prose. Chicago: University of Chicago Press, 1926.
- [Beach 1936] — *Beach J.W.* The Concept of Nature in Nineteenth-Century English Poetry. New York: Macmillan Co., 1936.
- [Beach 1960] — *Beach J.W.* The Twentieth Century Novel. Studies in Technique. New York: Appleton-Century-Crofts, 1960.
- [Depretto 2008] — *Depretto C.* Марксизм гуманистический: пушкинистика во второй половине 1930-х годов // Russian Literature. 2008. Vol. 63. No. 2—4. P. 427—442.
- (*Depretto C. Marksizm gumanitarny: pushkinistika vo vtoroy polovine 1930-kh godov // Russian Literature. 2008. Vol. 63. No. 2—4. P. 427—442.*)